

DOI: 10.31857/S086919080020393-9

АФГАНСКОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ 1884–1885 гг. И ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

© 2023

Т.В. РАБУШ ^a

^a – Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0001-8790-3402; taisarabush@mail.ru

Резюме: Автор рассматривает процесс установления северо-западной границы Афганистана с владениями Российской империи в Центральной Азии в 1884–1885 гг., известный под названием второго афганского разграничения. Основная цель, поставленная автором – изучить официальную позицию правительства Российской империи по данному вопросу и рассмотреть ее эволюцию на протяжении почти двухлетнего периода. Новизна исследования представляется в том, что вопрос о позиции конкретно российского имперского правительства в ходе второго афганского разграничения 1884–1885 гг. еще не рассматривался в отдельной работе; но существуют научные труды, изучающие какие-либо иные аспекты второго афганского разграничения, и автор упоминает их во вводной части. Актуальность исследования обусловлена тем, что граница, установленная по итогам этого разграничения, сохраняется до сих пор, являясь государственной границей Афганистана и Туркменистана, поэтому важно изучать историю ее создания. Автором представлены результаты анализа документов по второму афганскому разграничению, опубликованных Министерством иностранных дел Российской империи – этот сборник и послужил базой для написания работы. Статья разделена на три части: в первой части рассмотрена официальная позиция правительства Российской империи от начала переговоров по разграничению и вплоть до Пенденского инцидента 18 марта 1885 г.; во второй части анализу подвергнута позиция России собственно в Пенденском инциденте; третья часть работы посвящена российской позиции в переговорном процессе после вышеуказанного инцидента и завершению переговоров. Основной вывод автора таков: позиция Российской империи в ходе второго афганского разграничения оставалась практически неизменной, особенно в части, касающейся сохранения за Россией территорий компактного проживания туркменских племен, на тот период времени выразивших желание перейти в подданство к российскому императору, хотя правительству и пришлось пойти на уступки в вопросе о статусе Зулфагарского прохода.

Ключевые слова: Афганистан, внешняя политика Российской империи, дипломатия Российской империи, Большая Игра, внешняя политика Британии, Центральная Азия, история международных отношений, Абдуррахман-хан, XIX век.

Для цитирования: Рабуш Т.В. Афганское разграничение 1884–1885 гг. и официальная позиция правительства Российской Империи. *Восток (Oriens)*. 2023. № 4. С. 175–186. DOI: 10.31857/S086919080020393-9

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

AFGHAN DEMARCATION OF 1884–1885 AND THE OFFICIAL POSITION OF THE RUSSIAN EMPIRE GOVERNMENT²

© 2023

Taisiya V. RABUSH ^a

^a – Saint Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design,
Saint Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0001-8790-3402; taisarabush@mail.ru

Abstract: *The author examines the process of establishing Afghanistan's northwestern border with the territories of the Russian Empire in Central Asia in 1884–1885, known as the second Afghan demarcation. The main goal set by the author is to study the official position of the Russian Empire government on this issue and trace its evolution over a period of almost two years. The article can be considered innovative as the question of the Russian government's position during the second Afghan demarcation of 1884–1885 has not yet been researched in a separate work. The relevance of the study stems from the fact that the border established by the results of this demarcation is still preserved as the state border between Afghanistan and Turkmenistan, therefore it is important to study the history of its creation. The author presents the results of the analysis of documents on the second Afghan demarcation published by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire – this collection served as the principal source for the work. The article is divided into three parts according to the chronological principle. The author makes a conclusion that the position of the Russian Empire during the second Afghan demarcation remained almost unchanged, especially in terms of keeping the territories of compact residence of Turkmen tribes under Russian control, as these communities had expressed a desire to become subjects to the Russian emperor. However, the government had to make concessions on the status of the Zulfagar Passage.*

Keywords: Afghanistan, foreign policy of the Russian Empire, diplomacy of the Russian Empire, Great Game, British foreign policy, Central Asia, history of international relations, Abdurrahman Khan, 19th century.

For citation: Rabush T.V. Afghan Demarcation of 1884–1885 and the Official Position of the Russian Empire Government. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 4. Pp. 175–186. DOI: 10.31857/S086919080020393-9

Одно из самых ярких событий международных отношений в центральноазиатском регионе в XIX в. – это так называемая Большая Игра, геополитическое соперничество Британской и Российской империй. Одним из объектов этого соперничества стал Афганистан, исполнявший географически роль «буфера» между территориями Британской Индии и вассальными по отношению к Российской империи среднеазиатскими ханствами. После произошедшего в первой половине XIX в., 1850-х и 1860-х гг. присоединения к Российской империи части Центральной Азии и признания вассальной зависимости от империи же ряда ханств (Хивинского, Бухарского) возникла необходимость провести четкую границу между владениями и вассальными территориями России в Центральной Азии и Афганистаном, который считался зоной влияния Британской империи. Благодаря двум афганским разграничениям 1872–1873 гг. и 1884–1885 гг. такая граница была установлена.

² The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19–18–00162) implemented at the Leo Tolstoy Institute of Languages and Cultures.

Вопрос двух афганских разграничений фрагментарно рассматривается в разных отечественных и зарубежных исследованиях [Массон, Ромодин, 1965, с. 283–289; Хидояттов, 1981; Kakar, 2006; Сергеев, 2012, с. 173–184; Fuoli, 2018]. Существует и некоторое количество трудов, посвященных отдельным аспектам афганских разграничений: например, Н.Н. Лисицына описывает цензурную обработку документов по разграничению, осуществленную в Министерстве иностранных дел Российской империи и приходит к выводу, что эта акция предпринималась с целью избежать напряжения и недопониманий в российско-британских отношениях, которые могли бы возникнуть в случае публикации изначальных текстов документов [Лисицына, 2015]; интересна статья о взгляде на события в Пенденском оазисе 18 марта 1885 г. работавшего в России британского журналиста Д.Ф. Бэддли [Казиев, 2016]; также привлекают внимание работа о военных приготовлениях Британии и соответственно Российской империи, начавшихся после Пенденского инцидента 1885 г. [Басханов, 2018] и часть монографии «Очерки средневековой и новой истории Афганистана», которая посвящена непосредственно двум афганским разграничениям и истории их установления [Арунова, Лалетин, 2010].

В настоящей же работе автор хотел бы рассмотреть тему, которая еще не получила особого исследования, а именно: официальную позицию правительства Российской империи в отношении афганского разграничения 1884–1885 гг. и ее изменения, проявляемые в ходе российско-британских двухсторонних переговоров и обмена соответствующими документами. Второе афганское разграничение выбрано автором как объект изучения по той причине, что оно сопровождалось особенно бурными обсуждениями вопросов, связанных с географическим прохождением северно-западной границы Афганистана. Особым поворотным моментом в ходе переговоров по второму афганскому разграничению стал инцидент в Пенденском оазисе, что будет детально рассмотрено далее. Кроме того, граница, проведенная между вассальными территориями Российской империи и Афганистаном на его северо-западном участке, существует до сих пор и разделяет в настоящее время Афганистан и Туркменистан, и следовательно, изучение истории всего, что связано с появлением и демаркацией этой границы, представляет значительный научный и даже в некоторой степени практический интерес.

Основным материалом для написания статьи послужил сборник документов по двум афганским разграничениям, изданный в конце XIX в. Министерством иностранных дел Российской империи. Также – но в меньшей степени, чем на документы – автор опирается на работы предшественников, в которых затрагивается вопрос афганских разграничений.

ВТОРОЕ АФГАНСКОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ 1884–1885 гг. И ПОЗИЦИЯ РОССИИ: ОТ НАЧАЛА ПЕРЕГОВОРОВ И ВПЛОТЬ ДО ПЕНДЕНСКОГО ИНЦИДЕНТА

Начало 1880-х гг. стало для России завершением процесса присоединения Центральной Азии к Российской империи. В январе 1881 г. русские войска заняли крепость Геок-Тепе, Ахал-Текинский оазис и подошли к Мерву [Алиханов-Аварский, 1883]. Российским правительством эти действия объяснялись необходимостью усмирить «разбойничьи» наклонности туркменских племен, занимающихся грабежом соседей, в том числе и сопредельных территорий Ирана [РГИА, ф. 1088, оп. 11, д. 536; *Афганское разграничение*, 1886, с. 57]. А в мае 1881 г. была образована новая административная единица Российской империи в Центральной Азии – Закаспийская область [РГИА, ф. 1409, оп. 4, д. 9554; Васильев Д., Васильев С., 2020]. В январе 1884 г. старейшины большей части туркменских племен выразили желание перейти под покровительство русского императора. Отечественный

востоковед К.А. Фурсов отмечает, что экспедиции против «крепости Геок-Тепе и последующее мирное присоединение Мерва были реакцией России на новое вторжение британцев в Афганистан (вторая англо-афганская война 1878–1880 гг.)» [Фурсов, 2017, с. 10].

Основная часть северной границы Афганистана к тому времени была уже демаркирована по итогам первого афганского разграничения 1872–1873 гг., а после перехода туркменских племен под российское покровительство появилась необходимость обозначить границу между Афганистаном и территориями компактного проживания этих племен, то есть определить северо-западный участок афганской границы Ходжа-Салех – Зульфагар протяженностью примерно в 400–450 км, который находился на стыке собственно Афганистана, Ирана и вассального по отношению к России Бухарского ханства, был населен фактически независимыми туркменскими племенами и не был определен в ходе первого афганского разграничения.

Помимо мервских туркмен, российское подданство в 1884 г. также приняли туркмены – иолатанские сарыки [Чарыков, 1914, с. 515], и вслед за этим встал вопрос о политическом будущем Пенденского оазиса, который также населяли туркмены-сарыки, родственные сарыкам Иолотана. 16 апреля 1884 г. Министерство иностранных дел Российской империи сообщило послу Великобритании в России Э. Торнтону об установлении отношений между властями Закаспийской области и проживающими к югу от Мерва туркменскими племенами сарыков и салоров [*Афганское разграничение*, 1886, с. 59–61], в ответ на что британское правительство не представило каких-либо официальных возражений. Однако в Британии все же обеспокоились расширением российского влияния [Макгрегор, 1891].

Ввиду недостатка пастбищ, а также неприязненного отношения со стороны мервских туркмен, обитатели Пенденского оазиса вынуждены были периодически совершать кочевые переходы на афганские пастбища, за что они платили афганским властям соответствующий налог. При этом в Министерстве иностранных дел Российской империи подчеркивали, что территории проживания туркмен-сарыков никогда не принадлежали афганскому эмиру: «В независимости Пендже имел, между прочим, случай лично убедиться посетивший местность эту, в марте 1884 года, русский инженер Лессар, не нашедший в ней следов афганского владычества» [*Афганское разграничение*, 1886, с. 34; Лессар, 1885].

В данном случае накануне второго афганского разграничения впервые проявилось столкновение политических интересов Британии и России: британская сторона в противовес официальной позиции России утверждала о праве на эти территории афганского эмира, аргументируя это мнение тем, что туркменские племена пенденских сарыков выплачивали дань эмиру, признавали себя «живущими на афганской территории» и что среди них постоянно проживал как официальное должностное лицо ставленник губернатора Герата [*Афганское разграничение*, 1886, с. 175]. Россия же обосновывала необходимость оставления этих туркменских территорий севернее прохождения своей границы с Афганистаном тем, что, во-первых, эти земли никогда не находились в вассальной зависимости от Афганистана [*Афганское разграничение*, 1886, с. 89, 201]; а во-вторых, тем, что данная местность требует разумного управления с целью сохранения политического спокойствия в Центральной Азии, чего, по мнению российского правительства, не сможет обеспечить афганский эмир, поскольку не имеет для этого в достаточной степени сил и средств [*Афганское разграничение*, 1886, с. 117, 153, 203].

При этом российская сторона ссылалась на опыт Британии в Индии, где спокойствие и мир также обеспечиваются усилиями британской армии. Также Россия постоянно подчеркивала, что определяемая граница должна будет соответствовать географическим и этнографическим имеющимся условиям [*Афганское разграничение*, 1886, с. 18, 36, 95, 203], в то время как Британия на протяжении большей части переговоров настаивала на терри-

ториальном принципе разграничения [*Афганское разграничение*, 1886, с. 50, 175–177]. Под соответствию этнографическим условиям российской стороны прежде всего понималось то, что все туркменские племена сарыков и их земли по итогам разграничения должны были остаться на территории, подвластной Российской империи и не должны быть разделены государственной границей [*Афганское разграничение*, 1886, с. 52, 147].

Говоря об афганской северной границе, российские официальные лица также ссылались на свидетельство британского полковника С.М. Мак-Грегора [*Афганское разграничение*, 1886, с. 48, 151], в качестве которой (границы) он в 1875 г. указывал горы, обрамляющие с севера дорогу из Герата в Керхиз, вдоль которых выстроены заброшенные сторожевые башни, «которые должны были бы быть заняты пограничной стражей» [*Афганское разграничение*, 1886, с. 151]. Британская сторона не соглашалась с таким подходом в определении границы, указывая на то, что данное С.М. Мак-Грегоров описание является не более чем мнением частного лица, который к тому же ошибочно принял внутренние сторожевые башни за внешние пограничные, – но никак не официальной позицией британской короны [*Афганское разграничение*, 1886, с. 175]. Также русский военный инженер П.М. Лессар в 1881 г., изучив границу между Закаспийской степью и Афганистаном, обнаружил отсутствие естественной преграды вдоль северо-западной границы Афганистана и таким образом сделал географическое открытие [Лессар, 1884]. Это тоже «заставило великобританское правительство начать переговоры с петербургским кабинетом об установлении в упомянутой местности... вполне точной договорной границы между русской и английской сферами влияния» [Чарыков, 1914, с. 491–492].

Обеспокоенность России, из которой проистекало желание поскорее установить официальную границу с Афганистаном на его северо-западном участке, вызывал также всплеск активности афганских религиозных проповедников, пришедший на начало 1880-х гг. и распространившийся в подконтрольной Российской империи части Центральной Азии [*Афганское разграничение*, 1886, с. 57; *Присоединение Туркмении*, 1960, с. 240, 297, 300], особенно в южной: «англичане с самого начала активно действовали на поприще ухудшения отношений Афганистана с Россией. Так, в первой половине 1884 г. среди туркмен Иолотани объявился британский агент – весьма грамотный, умный и ловкий человек, которого все вскоре стали звать “Сиях-пуш”, то есть “носящий черную одежду”. Он проповедовал чистоту мусульманской веры и призывал отстраниться от “неверных” – русских, которые стремятся сделать мусульман рабами и обратить их всех в христианство. Сиях-пуш создал сеть агентов, которые распространяли прокламации с идентичным содержанием. После того как их отловила военная контрразведка, оказалось, что часть из них являлась афганскими офицерами» [Салиев, 2017, с. 176]. О Сиях-Пуше довольно подробно пишет и чиновник особых поручений по дипломатической части при туркестанском генерал-губернаторе Н.В. Чарыков [Чарыков, 1914, с. 488, 494, 498, 510–513].

Работы по пограничному разграничению согласно двухсторонней договоренности, достигнутой в мае 1884 г. [*Афганское разграничение*, 1886, с. 63], должны были провести русская и английская военные комиссии. Британская комиссия под руководством генерал-лейтенанта П. Лемсдена в начале сентября 1884 г. выехала из Белуджистана в направлении Герата, причем количество ее участников (почти 1500 человек) вызвало возражения у российской стороны, поскольку оно более подходило для военной экспедиции, чем для состава комиссии по проведению топографических работ. Британия также предложила привлечь к деятельности по демаркации границы афганского представителя [*Афганское разграничение*, 1886, с. 63] (помимо представителей российских и британских), но Россия выступила против этого, ссылаясь на то обстоятельство, что интересы Афганистана и без того уже представляет Британия [*Афганское разграничение*, 1886, с. 28, 97]. Следует от-

метить, что на рассматриваемый в статье период времени внешняя политика Афганистана находилась в подчинении у Британии, что было одним из политических последствий англо-афганской войны 1878–1880 гг.

Занятие афганцами Пенденского оазиса, на который, как указывалось выше, с самого начала переговоров претендовала Россия, произведенное ими при поддержке англичан в конце октября 1884 г., вызвало официальный протест российского правительства [*Афганское разграничение*, 1886, с. 149]. В тот же период времени, то есть осенью 1884 г., русские войска заняли Пули-Хатунь. Британцы при этом по-прежнему подчеркивали, что «правительство Ее Величества не соглашается с мнением русского правительства о том, что Пули-Хатунь и Пенджде находятся вне пределов Афганистана» [*Афганское разграничение*, 1886, с. 143] – с чем, в свою очередь, не соглашался МИД Российской империи, ссылаясь на вышеупомянутые записи полковника С.М. Мак-Грегора [*Афганское разграничение*, 1886, с. 151].

Туркестанский генерал-губернатор Н.О. Розенбах сообщает в своих воспоминаниях, что осенью 1884 г. он получил от военного министра зашифрованную телеграмму с содержащимся в ней повелением занять одним батальоном Ходже-Салех – пункт, находящийся на левом берегу Амударьи, но, как он отмечает, «повеление это привело меня в полное недоумение. Ходже-Салех³ находился по имеющимся у меня сведениям на афганской территории, заняв его батальоном, можно было с уверенностью ожидать, что он будет атакован афганцами, своевременно поддержать его туркестанскими войсками я бы не мог, ибо ближайшие резервы были расположены в Самарканде... Можно было ожидать, что батальон будет разбит, что с нашей стороны неизбежно бы вызвало начало общих военных действий. В Средней Азии, где население крайне впечатлительно, нужно остерегаться всяких опрометчивых действий... Основываясь на вышеизложенных соображениях, я решился не исполнить сообщенное мне Высочайшее повеление, донести обо всем военному министру, прося новых приказаний. Полученною мною через несколько дней телеграммою, занятие Ходже-Салех Высочайше было отменено. Я думаю, что в данном случае, моим решительным образом действий, я оказал Государю и России громадную услугу» [Розенбах, 1916, с. 176].

Итак, с конца 1884 г. начинается непосредственно русско-британский спор за Пенденский оазис [Басханов, 2018, с. 88], а также подготовка военных министерств России и Британии к возможным боевым действиям в регионе [Алпеев, 2018]. М.К. Басханов подчеркивает, что ценность для британцев представлял не сам по себе Пенденский оазис, а Герат, который считался в Британии «ключом к Индии» – а политическая принадлежность русским Пенденского оазиса облегчила бы им путь к возможному овладению Гератом, и поэтому события 1885 г. этот исследователь называет не «пенденским» (как принято в историографии), а «гератским» кризисом.

В январе 1885 г. афганские войска заняли Зулфагар, что также всерьез обеспокоило российское правительство [*Афганское разграничение*, 1886, с. 153]. Несмотря на обращение России к Британии с просьбой повлиять на афганцев и освободить пока еще спорные территории от своего военного присутствия, посол Великобритании в России Э. Торнтон сообщил в ответ, что «правительство Ее Величества не может предложить, чтобы афганские войска очистили территорию, которую они считают своей» [*Афганское разграничение*, 1886, с. 155].

ИНЦИДЕНТ В ПЕНДЕНСКОМ ОАЗИСЕ 18 МАРТА 1885 г. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Таким образом, туркменские территории (и не только, но они в особенности) стали своего рода «яблоком раздора» в переговорах по второму афганскому разграничению, при-

³ Так в тексте.

чем уступать не намеревалась ни одна из сторон, включая первоначально и афганского эмира. Как отмечает М.Р. Арунова, «проблема сводилась к определению статуса Афганистана: Россия предпочитала видеть его территорию нейтральной зоной, а Англия, по меньшей мере, сферой своего влияния. Именно поэтому Лондон был заинтересован в максимальном расширении владений афганских эмиров на севере» [Арунова, Лалетин, 2010, с. 224].

Тем временем обстановка становилась еще более напряженной, потому что в ответ на действия афганских властей по занятию спорных территорий и дипломатическое бездействие британского правительства [*Афганское разграничение*, 1886, с. 157], к которому через посла России в Великобритании Э. Торнтона направлялись просьбы оказать влияние на афганцев с целью заставить их отступить, русские войска также стали предпринимать активные действия – так, в феврале 1885 г. отряд туркменской милиции занял Зульфагарское ущелье [*Афганское разграничение*, 1886, с. 157]. В ответ на вызванный этим событием протест Британии статс-секретарь Н.К. Гирс, министр иностранных дел Российской империи, отметил 24 февраля 1885 г., что «наши военные движения... составляют ни что иное, как логическое и неизбежное последствие совершенных афганцами захватов. Афганцы уже заняли местности, никогда не входившие в состав Афганистана, тогда как наши войска не переходили за пределы туркменской степи» [*Афганское разграничение*, 1886, с. 157].

С февраля 1885 г. афганцы начинают присылать русским офицерам угрожающие письма [*Афганское разграничение*, 1886, с. 181, 187, 193], и при этом английский командование военной комиссии по разграничению в лице генерал-лейтенанта П. Лемсдена сообщало в своих ответных письменных посланиях в адрес русских военных, что у него нет возможности сдерживать афганцев или побуждать их «к дальнейшим уступкам» [*Афганское разграничение*, 1886, с. 191]. Афганцы также отвечали отказом на требования командующего войсками Закаспийской области генерал-лейтенанта А.В. Комарова отойти на прежние позиции [*Афганское разграничение*, 1886, с. 315]. Все возраставшее напряжение и постоянные военные перемещения афганских и русских войск на спорных территориях в итоге привели к прямому военному столкновению русских и афганцев, состоявшемуся в марте 1885 г.

В отечественной историографии принято придерживаться мнения, что события в Пенденском оазисе (они же бой у Кушки, или инцидент в Пенде, или битва у моста Таш-Кепри) 18 марта 1885 г. по ст. ст. произошли при активной поддержке афганцев со стороны англичан, в том числе и поддержке военной [*История Афганистана*, 1982, с. 173; Арунова, Лалетин, 2010, с. 233; *Завоевание Средней Азии*, 2014]. Рассмотрим российские документы по этому вопросу, не останавливаясь подробно на описании боевого столкновения и предшествующих ему военных приготовлений, потому что они детально описаны во втором томе работы советских востоковедов «История Афганистана» [Массон, Ромодин, 1965, с. 286–288], а также в рапорте начальника Закаспийской области и командующего ее войсками генерал-лейтенанта А.В. Комарова на имя командующего войсками Кавказского военного округа от 30 марта 1885 г. [*Афганское разграничение*, 1886, с. 287–305].

В донесении генерал-лейтенанта А.В. Комарова от 19 марта 1885 г., направленном на имя военного министра, указывается, что действиями афганцев в ходе военного столкновения руководили англичане, которые не принимали участия непосредственно в сражении [*Афганское разграничение*, 1886, с. 215]. Афганцы потеряли примерно 500 человек убитыми (из общего их количества в 4 тыс.), русские потери были куда меньшими. В несколько более позднем донесении в адрес военного министра, составленном этим же автором (от 20 марта), подробно описываются открытые военные приготовления афганцев, предшествующие боевому столкновению [*Афганское разграничение*, 1886, с. 215]: также в этом письме А.В. Комаров пишет о попытках договориться с командующим афганским отрядом,

которые завершились сообщением афганского военного командира о том, что он «следуя совету англичан, не отойдет за Кушку» [*Афганское разграничение*, 1886, с. 215].

В телеграмме, отправленной 28 марта 1885 г. статс-секретарем Н.К. Гирсом послу России в Великобритании Е.Е. Стаалю, российский министр иностранных дел подчеркивает, что «войска наши атаковали позиции афганцев лишь вследствие вызывающих, неприязненных действий со стороны последних. Нанеся афганцам поражение, генерал Комаров возвратился на левый берег Кушки» [*Афганское разграничение*, 1886, с. 219]. В другом документе от 31 марта, также адресованном российскому послу, Н.К. Гирс снова указывает на отсутствие «даже призрака наступательных и враждебных намерений со стороны наших военачальников» [*Афганское разграничение*, 1886, с. 229].

Таким образом, в российских и дипломатических документах, и военных донесениях подчеркивается миролюбивый характер деятельности русских войск и подразделений туркменской милиции, направленный на обеспечение порядка на территориях туркменских кочевий и безопасности российского военного отряда [*Афганское разграничение*, 1886, с. 247, 251], и вместе с тем дерзкий образ действий афганского военного отряда [*Афганское разграничение*, 1886, с. 395–397], устроившего укрепления на левом берегу Кушки и отказавшегося отступить от занятых позиций, невзирая на неоднократные прямые обращения русской стороны.

Блестящая победа над афганцами в битве при Кушке 18 марта 1885 г. вошла в историю русской армии как одна из ее славных страниц и была отмечена как памятная дата вплоть до революций 1917 г. [*Бой на Кушке*, 1910].

Если говорить о дипломатических последствиях описанных выше событий, то данный инцидент стал причиной значительного ухудшения российско-британских отношений [Розенбах, 1916, с. 177] и вызвал в британском парламенте прения о необходимости усиления военных приготовлений и увеличения военных ассигнований на 11 млн фунтов стерлингов [*Афганское разграничение*, 1886, с. 245, 249]. Тем не менее Россия не отказалась от своих первоначальных территориальных требований. Что же касается реакции афганского правительства, то она была достаточно сдержанной, и, как указывает Н.Н. Лисицына, это стало возможно благодаря усилиям русской дипломатии [Лисицына, 2008, с. 31].

ПОЗИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ ПЕНДЕНСКОГО ИНЦИДЕНТА И ЗАВЕРШЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ

Вскоре после битвы при Кушке, уже в первых числах апреля 1885 г., британское правительство выразило предварительное желание оставить Пенденский оазис за Россией при условии обязательного перехода всего Зульфагарского прохода к Афганистану [*Афганское разграничение*, 1886, с. 233]. С конца апреля возобновляется обсуждение конкретных вопросов прохождения будущих границ – после Пенденского инцидента наконец-то разрешилось военное напряжение, и стало возможным рассмотрение собственно того, что было прямым предметом переговоров по второму афганскому разграничению.

Особые трения и возражения со стороны российской дипломатии вызвал вопрос об определении размеров и территории Зульфагарского прохода, а также о том, что следует понимать под этим географическим пунктом [*Афганское разграничение*, 1886, с. 89, 321, 339, 349, 351] – российскую сторону не устраивал тот вариант, когда под этим «проходом» понималось все ущелье Герируда [*Афганское разграничение*, 1886, с. 355]. Как указывает статс-секретарь Н.К. Гирс в телеграмме к послу России в Великобритании Е.Е. Стаалю от 4 июля 1885 г., «согласно нашим сведениям, название Зульфагар применяется лишь к долине, заключающейся между течением Герируда и подошвой гор, окаймляющих реку,

а не к ущелью, относительно пространства которого идут ныне переговоры между обоими правительствами» [*Афганское разграничение*, 1886, с. 347].

Но все же в процессе переговоров российская сторона сочла, что вопрос о Зульфагарском проходе для нее менее существенен, чем вопрос о территориальной принадлежности Пенденского оазиса и проживающих там туркмен, и пошла в этом навстречу Британии. Договоренность по данному вопросу была достигнута только в августе 1885 г. [*Афганское разграничение*, 1886, с. 365–373]. В итоге Зульфагарский проход был оставлен за Афганистаном, а Россия (чего она и желала изначально) получила Мерв и Пенденский оазис, а также, соответственно, вассальное подчинение населяющих эти территории туркменских племен [*Афганское разграничение*, 1886, с. 80, 379] и земли, обрабатываемые этими племенами и используемые ими для кочевий.

10 сентября (29 августа по ст. ст.) 1885 г. между Британией и Россией был подписан предварительный протокол [*Афганское разграничение*, 1886, с. 379–381] о разграничении, который определил новую северо-западную границу Афганистана от реки Амударьи до персидского Хорасана и реки Герируд, и спустя два месяца начались работы по установлению границы на месте. 10 июля 1887 г. было подписан окончательный русско-британский Протокол [*Сборник договоров*, 1952, с. 266] по второму афганскому разграничению, твердо установивший границу между Закаспийской областью Российской империи и Афганистаном.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, позиция Российской империи по вопросу места прохождения российско-афганской границы оставалась практически неизменной на протяжении почти полутора лет дипломатических переговоров с Британией по второму афганскому разграничению, заключаясь в стремлении сохранить за собой территории проживания и кочевий туркменских племен, перешедших под покровительство российского императора Александра III, а также, соответственно, обеспечить свое политическое влияние на эти племена. Различные события, произошедшие в течение переговоров – военное столкновение русского отряда с афганскими войсками в Пенденском оазисе, ухудшение двухсторонних отношений с Британией, – не повлияли на первоначально выработанную Россией позицию по данному вопросу. Единственная уступка, которая была произведена российской стороной в ходе переговоров – это признание территориальной принадлежности Зульфагарского прохода в том виде, в котором его понимали в Лондоне, Афганистану.

Определенную роль сыграла и политическая позиция эмира Абдулрахман-хана, не желающего идти на военный конфликт с Россией: «Необходимость прояснить... неопределенности выявила разные подходы двух стран к демаркации: российская сторона предлагала следовать этнографическому принципу, тогда как Англия настаивала на разграничении по принципу политической целесообразности, увязывая все с территориальными претензиями афганского эмира, который, несмотря на поддержку англичан, отказался начать полномасштабные боевые действия против России, фактически уступив ей спорную территорию» [Казиев, 2016, с. 56].

Таким образом, благодаря последовательной позиции российской дипломатии, поддержанной силой русского оружия, была установлена и определена северо-западная граница Афганистана, которая существует вплоть до настоящего времени.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

РГИА – Российский государственный исторический архив [RGLA – Russian State Historical Archive].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алиханов-Аварский М. *Мервский оазис и дороги, ведущие к нему*. СПб: Типография А. Траншеля, 1883 [Alikhanov-Avarksky M. *Merv Oasis and Roads Leading to It*. St. Petersburg: Tipografiya A. Transhelya, 1883 (in Russian)].

Алпеев О.Е. А.Н. Куропаткин и планирование войны с Великобританией в Центральной Азии в 1885–1904 гг. *Мир политики и социологии*. 2018. № 5–6. С. 41–55 [Alpeev O.E. General Kuropatkin and Military Plans against Great Britain in Central Asia in 1885–1904. *World of Politics and Sociology*. 2018. No. 5–6. Pp. 41–55 (in Russian)].

Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885 гг. СПб: Типография А.С. Суворина, 1886 [Afghan Demarcation. Negotiations between Russia and Great Britain, 1872–1885. St. Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1886 (in Russian)].

Арунова М.Р., Лалетин Ю.П. *Очерки средневековой и новой истории Афганистана*. М.: Издательство РУДН, 2010 [Arunova M.R., Laleitin Y.P. *Essays on the Medieval and Modern History of Afghanistan*. Moscow: Izdatelstvo RUDN, 2010 (in Russian)].

Басханов М.К. Гератский кризис 1885 г. и борьба идей вокруг стратегии упреждения в Средней Азии: Куропаткин против Магрегора. *Мир политики и социологии*. 2018. № 12. С. 86–126 [Baskhanov M.K. Herat Crisis of 1885 and the Struggle of Ideas around the Strategy of Pre-emption in Central Asia: Kuropatkin against Magregore. *World of Politics and Sociology*. 2018. No. 12. Pp. 86–126 (in Russian)].

Бой на Кушке и его 25-летний юбилей 18/III 1885 г. – 18/III 1910 г. Военное сообщение Генерального штаба полковника А.Д. Шеманского, читанное в Ташкенте, Мерве, Асхабаде и Кушке в 1904 г. СПб: В. Березовский, 1910 [The Battle of Kushka and its 25th Anniversary, 18 / III 1885 – 18 / III 1910. General Staff's Military Report by Colonel A.D. Shemansky, read in Tashkent, Merv, Askhabad and Kushka in 1904. St. Petersburg: V. Berezovsky, 1910 (in Russian)].

Васильев Д.В., Васильев С.Д. Образование Закаспийской области как фактор урегулирования русско-туркменских отношений второй половины XIX в. *Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII – XIX вв.* Под ред. Д.В. Васильева. М.: ООО «ОнтоПринт», 2020. С. 40–47 [Vasilyev D.V., Vasilyev S.D. Formation of the Trans-Caspian Region as a Factor in the Regulation of Russian-Turkmen Relations in the Second Half of the 19th Century. *Central Asia at the Crossroads of European and Asian Political Interests: 18th – 19th Centuries*. D.V. Vasiliev (ed.). Moscow: ООО “Onto-Print”, 2020. Pp. 40–47 (in Russian)].

Завоевание Средней Азии. Столкновение с Афганистаном в 1885 г. Очерк Генерального штаба полковника А.Д. Шеманского. История русской армии. М.: ЭКСМО, 2014. С. 584–593 [Conquest of Central Asia. Clash with Afghanistan in 1885. General Staff's Review by Colonel A.D. Shemansky. *History of the Russian Army*. Moscow: EKSMO, 2014. Pp. 584–593 (in Russian)].

История Афганистана с древнейших времен до наших дней. Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: Мысль, 1982 [History of Afghanistan from the Ancient Times to the Present Day. Y.V. Gankovsky (ed.). Moscow: Mysl, 1982 (in Russian)].

Казиев Э.В. Афганский кризис 1885 г.: эпизод Большой игры по воспоминаниям Д.Ф. Бэддли. *Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки*. 2016. № 3. С. 52–56 [Kaziev E.V. The Afghan Crisis of 1885: An Episode of the Great Game accord-

ing to the Memoirs of D.F. Baddley. *Bulletin of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov. Social Sciences*. 2016. No. 3. Pp. 52–56 (in Russian)].

Леессар П.М. *Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах*. СПб: Типография А.С. Суворина, 1884 [Lessar P.M. *Notes on the Trans-Caspian Territory and Neighboring Countries*. St. Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1884 (in Russian)].

Леессар П.М. *Юго-Западная Туркмения (земли сарыков и салоров)*. СПб: Типография А.С. Суворина, 1885 [Lessar P.M. *Southwest Turkmenistan (Lands of Saryks and Salors)*. St. Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1885 (in Russian)].

Лисицына Н.Н. Афганский эмир Абдурахман-хан и англо-русское соперничество на Среднем Востоке. *Восточный архив*. 2008. № 17. С. 28–32 [Lisitsyna N.N. Afghan Emir Abdurrahman Khan and the Anglo-Russian Rivalry in the Middle East. *Vostochny Arkhiv (=Eastern Archive)*. 2008. No. 17. Pp. 28–32 (in Russian)].

Лисицына Н.Н. Цензурная обработка официальной публикации документов по демаркации границ в Афганистане в 1885 г. *Восточный архив*. 2015. № 1 (31). С. 19–22 [Lisitsyna N.N. Censorship of the Official Publication of Documents on Border Demarcation in Afghanistan in 1885. *Vostochny Arkhiv (=Eastern Archive)*. 2015. No. 1 (31). Pp. 19–22 (in Russian)].

Макгрегор Ч.М. *Оборона Индии. Часть I*. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Выпуск XLIII. СПб: Военно-ученый комитет Главного штаба, 1891 [McGregor C.M. *The Defense of India. Part I*. Collection of Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia. Issue XLIII. St. Petersburg: Voenno-ucheny komitet Glavnogo shtaba, 1891 (in Russian)].

Массон В.М., Ромодин В.А. *История Афганистана. Т. 2. Афганистан в Новое время*. М.: Наука, 1965 [Masson V.M., Romodin V.A. *History of Afghanistan. Vol. 2. Afghanistan in the Modern Era*. Moscow: Nauka, 1965 (in Russian)].

Присоединение Туркмении к России. Сборник архивных документов. Под ред. А. Ильясова. Ашхабад: Издательство АН Туркменской ССР, 1960 [Accession of Turkmenistan to Russia. Collection of Archival Documents. Ed. A. Ilyasov. Ashgabat: Izdatelstvo AN Turkmenskoy SSR, 1960 (in Russian)].

РГИА. Ф. 1088. Оп. 11. Д. 536 [RGIA. Fund 1088. Inv. 11. Case 536 (in Russian)].

РГИА. Ф. 1409. Оп. 4. Д. 9554 [RGIA. Fund 1409. Inv. 4. Case 9554 (in Russian)].

Розенбах Н.О. Записки Н.О. фон Розенбаха. *Русская старина*. 1916. № 5. С. 100–244 [Rosenbach N.O. Notes by N.O. von Rosenbach. *Russian Antiquity*. 1916. No. 5. Pp. 100–244 (in Russian)].

Салиев А.А. Религия и геополитика: Россия в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX в.): афганский «синдром». *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. 2017. Т. 17. № 2. С. 173–177 [Saliev A.A. Religion and Geopolitics: Russia Policy in the Central Asia (Second Half XIX – Beginnings XX Century): Afghan “Syndrome”. *Herald of KRSU*. 2017. Vol. 17. No. 2. Pp. 173–177 (in Russian)].

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. Под ред. Е.А. Адамова. М.: Госполитиздат, 1952 [Collection of Treaties between Russia and Other States. 1856–1917. E.A. Adamov (ed.). Moscow: Gospolitizdat, 1952 (in Russian)].

Сергеев Е.Ю. *Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии*. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012 [Sergeev E.Y. *The Great Game, 1856–1907: Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia*. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2012 (in Russian)].

Фурсов К.А. Геополитика или экономика? Соотношение целей англо-русской экспансии в Центральной Азии в XIX в. *Восток (Oriens)*. 2017. № 1. С. 6–28 [Fursov K.A. Geopolitics or Economy? The Correlation of the Goals of Anglo-Russian Expansion in Central Asia in the Nineteenth Century. *Vostok (Oriens)*. 2017. No. 1. Pp. 6–28 (in Russian)].

Хидоятов Г.А. *Британская экспансия в Средней Азии: Пенде, март 1885 г.* Ташкент: Фан, 1981 [Khidoyatov G.A. *British Expansion in Central Asia: Penda, March 1885*. Tashkent: Fan, 1981 (in Russian)].

Чарыков Н.В. Мирное завоевание Мерва. (Из воспоминаний о походе генерала А.В. Комарова в 1885 г.). *Исторический вестник*. 1914. № 11. С. 486–518 [Charykov N.V. Peaceful Conquest of Merv. (From the Memoirs of General A.V. Komarov's Campaign of 1885). *Historical Bulletin*. 1914. No. 11. Pp. 486–518 (in Russian)].

Fuoli F. Incorporating North-Western Afghanistan into the British Empire: Experiments in Indirect Rule through the Making of an Imperial Frontier, 1884–87. *Afghanistan*. April 2018. Vol. 1. No. 1. Pp. 4–25.

Kakar M. Hassan. *A Political and Diplomatic History of Afghanistan, 1863–1901*. Leiden: Brill, 2006.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РАБУШ Таисия Владимировна – доктор исторических наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия.

Taisiya V. RABUSH, DSc (History), Associate Professor, Department of Social Sciences, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russia.